

Сергей Скрипаль

Писатель, журналист. Родился в 1960 году в г. Темиртау (Карагандинская область, Казахстан). Позже переехал с родителями в г. Невинномысск (Ставропольский край). Служил в Афганистане (Кандагар, Шинданд, Газни, Панджшер, Кабул) в 1980–1981 гг. Окончил филологический факультет Ставропольского пединститута. После армии работал грузчиком, учителем, предпринимателем, директором школы, замом по рекламе в крупной фирме. Работал также в нескольких газетах, в том числе газете «Ставропольская правда». Член Союза писателей и Союза журналистов России, лауреат премии губернатора Ставропольского края в области литературы им. А. Т. Губина, лауреат премии имени Германа Лопатина, молодежной премии имени Александра Скокова.

Конт, Кулак и Кашель

(повесть, продолжение; начало в № 3/2025)

Пока ехали на «губу», я успел пожалеть, что не сказал Мальцу о вымеченных мною на консервы из гречневой каши с мясом подсумках и ремнях от пятьдесят четвертых РД. Зачем они нужны были Мальцу? Ха... как же это я забыл рассказать! Лешка Малец был у нас классным шорником. Сбрую для переноски боекомплекта и других жизненно важных вещей в горах изготавливал именно он. Ведь когда мы преём в горы, как владимирские тяжеловозы, сбруя должна соответствовать. Конечно, были уставные ранцы и подсумки, но, говоря откровенно, если бы народ ходил на войну с тем, что любезно предоставило министерство обороны, — ой-ой-ой, насколько больше было бы потерь личного состава!

Однажды Юрка Кашель приволок из рейда китайский нагрудный подсумок, который снял с убитого духа вместе с китайским же калашом. Удивительно — азиатские умельцы комплектовали свои автоматы даже

нагрудниками! Ясное дело, каждый боец, и даже офицер, в мечтах видел себя хозяином китайской вещицы. Юрец, разумеется, отдал добычу ротному. Кулаков покрутил в руках подсумок, ушел в свой модуль, и вскоре появился у нас в палатке в «обнове». Он восхищенно поглаживал разбухшие на груди от автоматных рожков карманы подсумков, проводил пальцами под широкими наплечными ремнями и вздыхал разочарованно.

— Спасибо, конечно, рядовой Кошель, за такой прелестный бакшиш, но... Придется отдать. У замполита завтра день рождения, и командир попросил сделать ему такой подарок. Вот так! — Кулак начал стаскивать с себя подсумок.

— Товарищ старший лейтенант, — затарахтел Малец. — Дайте мне эту штуку на ночь. Я тут покручу, посмотрю, что и как, а утром верну.

— Не вопрос, — без раздумий согласился Кулаков. — Бери. Только поаккуратнее, подарок все же. Да, еще тут вот сбоку, — ткнул пальцем, — кровь есть. Если сумеешь, отмой!

— Есть! — почему-то заулыбался Леха.

Он с нами даже на ужин не пошел, а попросил притащить, что можно, прямо в палатку. Какие проблемы? Принесли ему и каши в котелке, и банку минтая в масле. Когда мы вошли в палатку с ужином, Юрка вдохновенно распарывал на составляющие китайское изделие.

— Ох-ре-неть! — с ноткой ужаса проговорил Лиса.

Вместо ладной конструкции подсумка на кровати валялись куски раскроенной ткани.

— Чего застыли? — улыбнулся Юрка. — Давай, помогайте. Выбирайте выпоротые нитки. Все будет пучком, — гоготнул он, — и торчком, разумеется!

Мы быстренько повытаскивали огрызки грубой провощенной нити. Когда Леха закончил разбирать подсумок, он попросил принести ему несколько газет. Пришлось мне, под видом перекура в курилке возле клубной палатки, тайком, фактически из-под носа завтрашнего именинника — замполита, майора Дубова, выдирать листы из подшивки «Красной звезды», совать газеты под хэбэшку и неторопливо, вразвалочку возвращаться в родную палатку, где, как стреноженный жеребец, уже пританцовывал Леха. Кашель и Лиса тоже проявляли признаки нетерпения, и только Узбек лежал на кровати, взгромоздив босые ноги на металлическую спинку, и высвистывал мелодию из «Истории любви», намеренно уродуя звуки мелодии, чем выдавал и свое волнение.

— На! — я вытащил примятые газеты и протянул Лехе.

Как всякий мастер, Малец чуть брезгливо прищурился:

— Ты бы, Серый, еще из сорта приволок...

Но уже раскладывал, разравнивал на дощатом полу газетные листы подрагивавшими от нетерпения руками. Мы смотрели, как он прикладывал отпоротые детали, обводил их зеленым фломастером, писал внутри каждой детали номер, аккуратно зарисовывал все в записной книжке и так же нумеровал.

— Все, теперь шиваем назад!

Да уж, работка еще та! Пришлось нам искать, выпрашивать, выменивать цыганские иглы, суровую нить и шило у парней, служивших при складах. Удивить их было, в общем-то, нечем — всего у них водилось в изобилии. Пришлось отдать заныканный давным-давно во время прочесывания кишлака маленький японский радиоприемник. Он был старенький, раритетный, с закругленными гранями корпуса и большими круглыми ручками — настройки и поиска частот радиостанций, однако работал исправно, брал диковинные тогда для нас волны FM и довольно чисто, хоть и не очень громко передавал звуки. Этот трофей приволок Узбек и собирался взять его с собой на дембель, но ради такого дела не поспешил и легко расстался с вещицей.

Всю чистовую работу, разумеется, Малец взял на себя, нам же пришлось по очереди наматывать детали, прихватывать белой ниткой то, что отпорол Лешка. Толстая ткань подсумка сопротивлялась, игла подло и услужливо втыкалась в пальцы. В палатке то и дело слышались приглушенный мат и вскрикивания, ежеминутно пальцы очередной жертвы оказывались во рту, но мы продолжали работу. Леха смотрел, покрикивал, давал указания, потом присел у входа в палатку, поскреб ложкой в котелке, съел консервы, попил чайку и вернулся к нам.

— Кашель, твою мать! — вдруг заорал Малец. — Ты чего сюда впендюрил?!

Да, чего-то Юрец совсем попутал: прибабахал на место кармашка для магазина карманчик для гранаты. А ведь четко видно, что даже по размеру не подходит! Впрочем, от Кашля всего можно ожидать — ему лишь бы откосить от работы!

— Вали отсюда, — шипел Леха. — Модельер хренов!

Юрка криво улыбнулся, но промолчал.

Всю ночь Лешка сшивал распоротый подсумок. Получилось очень даже неплохо — на выцветшей ткани выпукло проступали новые ровные стежки, прямо как на джинсах. Даже кровавое пятно стало почти невидимым и напоминало обычную потертость.

Когда Лешка вернул Кулаку подсумок, тот лишь понятиливо кивнул.

Сначала Леха по своим лекалам воссоздал точную копию того самого китайского подсумка — выкроил детали из куска палаточного полога

и собрал. Все восхищались, но понимали: этого мало. Нам нужно было нечто новое, подходящее для войны в горах.

Начались бесконечные споры о том, что конструктивнее всего внести в первый лифчик. Кашель вообще предлагал не париться, а стырить у кого-нибудь с брони спасательный жилет. Но от этой идеи мы сразу отказались. И вовсе не потому, что «стырить» значит совершить что-то плохое. Это — армия. Имеешь что-то нужное и дефицитное — изволь организовать сохранность. Не способен сберечь — значит, обменяй, продай или лишись! Так что отказались мы от спасжилета по другой причине. Да, у него были свои плюсы: выбросив пенопласт, можно было вставить в образовавшиеся пустоты магазины, патроны россыпью, гранаты, осветительные и сигнальные ракеты. Много бы всего вошло! Но минусы перевешивали. Во время перебежек автоматные рожки легко выскакивали бы из карманов. А в бою, когда каждая секунда на учете, попробуй еще выковырять магазин, цепляющийся углами за ткань. В общем, было принято решение создавать лифчик, или, говоря современным языком, «разгрузку» исключительно с ноля — и под себя!

За основу взяли два РД-54. Лешка отпорол от них под сумки для магазинов и гранат, затем сшил их между собой. Получилось по два кармана на груди для магазинов, а по бокам — для гранат. И дополнительная защита от пуль и осколков!

Модернизированные лифчики шил только Леха, причем привносил в каждый экземпляр что-то новое: то пошире наплечные ремни сделает, то пришьет лишний карманчик на лифчике для ротного, для дополнительных обоймы от «Макара», то еще что. Творческая мысль не стояла на месте. Податься бы Лехе в частные предприниматели! А тут — потянулись к умельцу горемыки, желающие приобрести в личное пользование лифчик. Леха, конечно, поддался соблазну — принял несколько заказов, даже плату взял авансом: трехлитровую банку меда (откуда!), ящик гранат Ф-1 (зачем?!) и три бутылки водки, цена на которую росла ежедневно.

Кулаков узнал обо всем очень быстро. Зашел вечером в палатку, молча сгреб в ручищу Лехины заготовки и унес к себе. Возражать было не только бессмысленно, но и опасно для здоровья. Леха только вздохнул и отнес подношения назад заказчикам. Вернулся с бланшем под левым глазом: кто-то не смог смириться с отказом портного.

Утром ротный увидел художественно оформленное лицо Мальца, удовлетворенно кивнул:

— Шорничать будешь только тогда, когда нужно будет для дела! Все ясно?!

— Так точно, товарищ старший лейтенант! — вскинул ладонь к правому полю панамы Леха.

На этом инцидент был «исперчен», говоря словами ротного.

И все же Лехина мысль не стояла на месте: изделие совершенствовалось дальше. Вершиной смекалки стало решение брать с собой еще и сумку от противогаза, куда насыпались автоматные патроны. Не совсем удобно, что рассыпью, но зато кое-какой боевой запас. Сумку обычно носили на левом плече, через грудь, и специальным ремешком пристегивали к основному поясному ремню. Может, выглядели мы не так красиво, как Сталлоне в образе Рэмбо, но зато было удобно, легко, и все необходимое было под руками.

После исчезновения Юрки нас почти неделю мурыжили особисты. Я сидел на «губе». Парням запретили выходить на боевые, и они маялись бездельем между допросами. Меня долго и нудно трепали по очереди незнакомый молоденький лейтенант и капитан из особого отдела, которого я видел и здесь, и в Кокайты. Лейтенант, всегда туго затянутый портупеей, в офицерском пэша, с яркой полоской белого подворотничка, в хромовых начищенных блестящих сапогах, бесконечно вынимал из брюк платочки и промокал пот на лице и шее, затем аккуратно складывал платок и возвращал в карман — только лишь за тем, чтобы через минуту вынуть вновь. То, что лейтенант совсем молодой, не обстрелянный, не потрепанный войной, было видно не только по его новенькой форме, но и по той моде ношения оружия, бытовавшей лишь при штабах, да и то только у новичков. Старослужащие уже отделались от этой манеры как от ненужной и даже глупой. Ну зачем, скажите, таскать с собой по расположению полка не только кобуру с пистолетом, но и автомат, снаряженный магазинами? Да-да, именно магазинами! Мой следователь так и входил в комнату для допросов: с автоматом за плечом. Снимал его и аккуратно приставлял в угол, подальше от меня и поближе к себе. Изредка поглядывал на оружие, словно любовался ладно примотанными яркой голубой изолентой магазинами. Глупость все это. Вредная глупость. Если бы лейтенант поинтересовался, отчего я так презрительно смотрел на его автомат, я бы сказал ему, что все это — игрушки, и даже пояснил, почему.

Какой-то мыслитель здесь, в Афгане, решил, что спаренные рожки якобы дают возможность быстро перезарядить автомат. Некоторые его последователи умудрялись скрутить вместе даже три магазина! Да уж, воистину, человеческая мысль есть зело велика и всеобъемна! Но если ты «на войне» залег за камушком, уперся магазином в землю и долбишь из «калаша», елозишь рожком — и тут, на тебе, патроны в первом магазине закончились. Суетливыми ручонками отстегиваешь пустой магазин, вставляешь второй, тот самый, который изолентой к первому

прикреплен, суешь его на место, передергиваешь затвор, а тут тебе — ага! — засорился магазин от пылищи, патрончик — хоп, и перекосило, заклинило. И вот тут самое интересное начинается. Бой идет, а ты мордуешься с извлечением того самого грязного патрона. Красота?!

Еще были самоделкины, что таскали с собой на «калашах» магазины от РПК. Бесспорно, патронов в них ровно в полтора раза больше, чем в автоматных, и это весомый плюс. Но! Представьте себе, опять же, бой на открытом месте, когда вжимаешься в любую неровность, чтобы скрыться от глаз и пуль вражин. А никак! Поскольку торчит твоя маковка, пусть и в каске, на целых десять сантиметров выше, чем торчала бы бестолковка с обычным автоматным магазином. Почувствуйте разницу, как говорится!

Ничего этого пока лейтенант не знал, и поэтому красовался с глупыми сдвоенными магазинами. Да Бог с ним! Может быть, потом поймет, или расскажет кто-нибудь из боевых офицеров. А нет — значит, так и будет ходить до замены.

Вопросы лейтенант задавал заинтересованно, просил помногу раз повторить сказанное, пытался уцепиться, как и я тогда, на посту, хоть за что-то, что могло помочь понять, куда и почему девался Юрка. Позволял курить во время допроса его дешевые сигареты без фильтра, предлагал воды. Все мои слова он тщательно записывал на бумагу ровным округлым почерком, уверенно заваленным влево, перечитывал, исправлял ошибки. Читать написанное не давал, а в конце допроса вкладывал листы в целлулоидную прозрачную розовую папку, щелкал кнопкой застежки и вызывал конвой. За семь дней папка солидно потолстела, что, видимо, придавало уверенности лейтенанта в скором раскрытии дела.

Капитан же, полная противоположность лейтенанту, сидел за столом в форменной рубашке с короткими рукавами, расстегнутой до пупа, в солдатских хэбэшных штанах и в пластиковых тапочках на босу ногу. На допросы приносил с собой вентилятор — видел я такие агрегаты в далеком детстве на работе у мамы: коричневый металлический корпус, резиновые изогнутые лопасти, массивная станина и черная кнопка немалых размеров. Следовательно устанавливал вентилятор в режиме «подхалима» на краю стола, и горячий воздух обдувал то его, то мое лицо, создавая иллюзию прохлады. Капитан сам курил, мне не запрещал тоже, но сигарет у меня не было, а он не предлагал своих. Его допросы отличались стремительностью, хотя в них четко прослеживалась та же методика, что и у лейтенанта, вопросы повторялись раз за разом.

Записи допросов прекратились на второй день. Чувствовалось, что капитан почти сразу понял бесперспективность так называемого дела, поэтому отчаянно скучал, всем своим видом показывая, что это осто-

чертело ему еще больше, чем даже мне. По завершении очередного нашего общения капитан просто выставлял меня за дверь, указывая на нее жестом и предоставляя мне самому сдаться конвойному.

Так и шли дни за днями. В девять часов утра меня вели на первый допрос, в полдень возвращали в одиночную камеру. Караульный приносил котелки с кашей и супом, я съедал обед и ждал, сидя на земляном полу, следующего допроса. Гауптвахта была у нас импровизированная: одиноко стоявший загон для овец, связанный из тонких жердей, обманный глиной вперемешку с мелко нарезанной соломой. Крыша тоже была сложена из жердей, а поверх навалили верблюжьей колючки. В общем, тюрьма была прозрачной, сквозь многочисленные щели свободно проникало солнце, но в то же время, глиняные стены достаточно долго держали ночную прохладу и раскалялись ближе к вечеру, когда я возвращался после допроса. Охрана была такой же призрачной, как и крепость стен помещения для арестантов. Солдаты сидели в тени, меняя свое расположение соответственно передвижению солнца. При желании можно было легко уйти оттуда, но куда? Разве что в родную палатку. Парни приходили ко мне поздно вечером, после отбоя, садились за глухой стеной, просовывали в щели сигареты и кое-что из жратвы, и мы либо молчали, либо тихонько разговаривали обо всем, не упоминая только Юрку.

Через пару дней после возвращения в часть и моего ареста Лиса подтвердил сообщение Негорюя о том, что действительно началась крупная войсковая операция, в результате которой мы могли зависнуть на блоке на пару недель, а то и на целый месяц. Так и случилось, только вот торчала на перевале группа Татарина.

Парни заметно нервничали, да и я тоже. Ведь раньше как было? Если начиналось какое-то активное движение, одними из первых в место предполагаемых боевых действий выдвигалась и наша группа. И это было нормально, и это было хорошо и правильно. Теперь же мы сидели в полку и ждали, чем закончится следствие.

Приходил ко мне и Кулаков. Как и парни, сел у стены, сунул мне пачку болгарских сигарет, и даже шоколадку, и попросил вспомнить все, что произошло на посту. Я охотно ему все рассказал: кто и что делал, о чем говорили, и за что я ударил Кашля. Ротный молча слушал, вздыхал, никак не комментировал мой рассказ. Только перед уходом еще раз вздохнул, легко хлопнул ладонью по глиняной стене, от чего, однако, осыпалось несколько пластинок штукатурки:

— Да, Серега, это — залет!

Поднялся с земли и добавил:

— Ладно, отдыхай!

А я и правда отдышал. Бессонницы не было, угрызения совести за пропажу Юрки не мучили. Да и с чего вдруг?

В том, что Юрка ушел сам, я уже не сомневался. В ходе допросов ситуация на блоке прояснялась, по крайней мере для меня. Как могло случиться так, что духи совершенно беззвучно похитили бойца Советской армии, да не молодого, желторотого, а обстрелянного не единожды «годка»? Ладно, допустим, подкрались они близко. Там, за теми камнями, где осталась панама, легко было устроить засаду. Но ведь Юрка хоть как-то мог бы подать знак, что там духи. Заорать или выстрелить, или хотя бы замычать, стукнуть автоматом по камням. В утреннем бесшумном воздухе звук разнесся бы звонко и далеко. На посту тогда был Лиса, и Юрка хорошо знал об этом. Однако... вот тут полувопрос, полунедоумение... Гена тщательно разглядывал место исчезновения Кашля, я тоже шарил биноклем, но, кроме панамы, ничего там не было — ни пятен крови, ни еще чего-то, чтобы указывало на борьбу и пленение бойца. Хорошо, допустим, мы не смогли изучить все внимательно, но ведь после нас место точно рассматривали, принимались, прислушивались... Хотя... стоп... Кто? Сомневаюсь, что у Татарина была такая возможность, а кроме его группы после нас там никого не было. Ведь я даже не успел Игорю ничего рассказать — так, перекинулись на бегу парой слов. А Кулаков даже из вертушки не выскакивал, ждал нас внутри. Вопросы, вопросы, вопросы... А ответов нет.

С этими мыслями я засыпал каждую ночь. А проснувшись, старался не думать об этом, поскольку думали за меня следователи особого отдела. И все же я нервничал, психовал и никак не мог понять алгоритма действий Юрки.

А может, и правда, Кашель так обиделся на меня за то, что я его ударил, что решил уйти? Да ну, глупость какая-то! Он мог сто раз уйти, поскольку бит был за собственную дурость не единожды, — и более комфортно: хоть в Кабуле, хоть в Кандагаре, хоть в Газни.

Лейтенант начинал заметно нервничать, пытался орать на меня, все выпытывал, что я от него скрываю. Ну, а что я ему мог рассказать? Ведь выложил все, кроме того, конечно, что ударил Юрку.

Я никак не мог понять, чего хотят от меня офицеры особого отдела, куда клонят. Нет-нет, но каждый из них рано или поздно спрашивал, употреблял ли я наркотические вещества, к примеру, опиум, анашу или еще что-то. Я упорно отрицал, ничуть не кривя душой. Не курил я ничего, кроме папирос и сигарет, не нравилось мне это, и точка! Курил ли кто-то из наших солдат? Не знаю, не видел, не подозревал, не замечал.

Много раз я чертил схему расположения блокпоста, крестиками и буквами обозначал место нахождения каждого из наших ребят на момент исчезновения Юрки, рисовал панаму и обозначал схематично расстояние от нее до точки, откуда ее заметили. Писал расписание и очередность заступления в караул. Вспоминал, о чем разговаривали, что говорил Юрка, что ему на это отвечали я, Узбек, Лиса и Малец. Не замечал ли я чего-то странного за пропавшим солдатом, не провоцировал ли он разговорами нас, не призывал ли сдаться в плен? Все это выглядело так странно и смешно, что я однажды не выдержал и засмеялся. В тот раз допрашивал капитан. Он резко вытянул руку и хлестнул ладонью меня по щеке, вернее, попытался хлестнуть, поскольку я, хоть и смотрел в этот момент в стол, все же успел отклониться чуть в сторону и назад. Ладонь обдала мое лицо сгустком теплого воздуха, приятно пахнущего одеколоном, лишь жесткий удар ногтя среднего пальца зацепил по нижней губе, оцарапав и раскровенив ее. Это было неожиданно и очень мерзко — ощутить чужой жесткий ноготь возле рта; еще долго я чувствовал это скользящее прикосновение. Тогда я вскочил со стула, отбросив его ногой, прижался спиной к дощатой стене, принял защитную стойку, и только тогда взглянул на капитана. Он все так же сидел за столом с неловко выставленной вперед рукой, смотрел в мое перекошенное брезгливостью и бешенством лицо, в его глазах читались досада и удивление тем, что пощечина не удалась. Капитан вскочил со стула, кинулся, было ко мне, но остановился, словно упершись в ненависть в моем взгляде. Тогда я был готов на все. «Ну, сунься, капитан! — почти просил я внутренне. — Сунься...» Я четко представлял себе, что буду делать: обманно, но от души проведу правый боковой в голову капитана, а левой рукой нанесу удар под четвертую, сегодня застегнутую, пуговицу на рубашке офицера, как раз в солнечное сплетение.

Особист усмехнулся, по инерции неловко взмахнул еще раз рукой, и она, описав неуклюжий круг, не смогла вовремя остановиться, ударила по лопастям туго вращавшегося вентилятора, вмиг свалившегося со стола и недовольно зажужжавшего, захлебывающегося, словно лопасти подбитой вертушки, где-то у пола.

Допрос в тот раз закончился быстро.

На седьмой день моего ареста капитан выключил вентилятор, протянул полупустую пачку сигарет, пригласил угоститься. Я оторопел, но вынул сигарету, прикурил от зажигалки офицера, жадно затянулся ароматным дымом.

— Ладно, сержант, свободен! Можешь идти, — и слегка улыбнулся мне, как показалось, даже одобрительно.

Я встал со стула, направился к двери и все ждал, когда в спину настигнет сакраментальное: «Пока свободен...» Но капитан промолчал, и я, чувствуя огромную легкость в ногах, вышел из осточертевшего кабинета, ожидая встретить за дверью конвой. В коридоре модуля не было никого. Прошел к выходу, вышел на улицу. В курилке, расположенной неподалеку от одноэтажного фанерного здания штаба, увидел всех своих ребят. Устало пошел к ним, с охотой прикурил новую сигарету из примятой пачки, предложенной Шохратом. Молча сидел на горячей скамейке, смотрел на парней. Лиса безучастно перекидывал из угла в угол рта спичку. Малец вертел в руках отстрелянную гильзу от ДШК. Шохрат привалился спиной к одному из четырех столбиков, на которых крепилась крыша курилки, закрыл глаза, сложил руки на груди и что-то мурлыкал.

— Ну, вот, мужики, вроде бы отпустили, — неуверенно заговорил я. — Хм... свобода!

Лиса широко заулыбался, сунул ладонь для пожатия. Леха тоже обрадовано закивал головой. Шохрат подмигнул черным глазом, дурашливо завопил, подражая Градскому:

— За-гу-за-гу-за-гу-лял, загулял пар-ниш-ка, па-рень мо-ло-дой, моло-до-ой...

И так стало тепло на душе, так действительно захотелось загулять, смыть с себя пот ареста, неизвестность ожидания, скуку и липкость допросов, что аж в носу защипало, как когда-то давным-давно, в детстве, когда от бессмысленной и злой обиды хотелось зареветь, уткнуться в мамины колени, выплакаться и в их тепле забыть об огорчениях.

Гораздо позже я узнал, что благодарить за освобождение нужно было Шохрата. Но к тому моменту его уже не было в живых. Кулаков рассказал: на допросе Узбек дал показания, что он сам похитил у Кашля спичечный коробок с анашой, дабы тот не накурился и нес службу в соответствии с уставом. На вопрос, куда он дел наркотик, Шохрат ответил, что выбросил еще там, на блокпосте, куда-то вниз, в скалистое ущелье. Следователи порешили, что рядовой Кошель ушел на поиски травки и либо сорвался с горы, либо попал в плен к духам. Месяца через два после его исчезновения командование полка отправило домой цинк, наполненный старым обмундированием, с некоторым количеством песка, чтобы вес соответствовал телу. Гроб запаляли, открыть его не было никакой возможности. Так что похоронили родители своего сына и на могильной плите написали: «Погиб при исполнении интернационального долга».

Мы еще долго натыкались на Юркины вещи в палатке: то старые ботинки, то постиранную запасную хэбэшку, отданную молодым на под-

менку, то щетку, зубную пасту и станок для бритья с разлезшимся помазком. Личные вещи Кашля, фотографии, письма, брелок с ногтерезкой, около сотни чеков рублевыми бумажками и другие мелочи старшина аккуратно сложил в маленький посылочный ящичек, который отправили вместе с цинком матери Юрки.

Месяца через два началась очередная подготовка по проведению крупной войсковой операции на Панджшере. Наша группа тоже выдвинулась туда. Достаточно много разведгрупп находилось в Мармале — блокировали входы и выходы, обнаруживали лагерь духов, вели за ними наблюдение, в бои не ввязывались, но ясно давали понять моджахедам, что они находятся под пристальным вниманием шурави. Нет-нет да снимали наши снайперы духовских разведчиков, а то и огнем из пулеметов отгоняли от возможных лазеек вооруженного врага.

Мы тоже вели себя крайне осторожно. Без особой надобности не высывались из укрытий, не передвигались в полный рост по расположению, и даже ночью старались незаметно ходить по разным надобностям. Консервы с тушенкой или кашей открывали потихонечку, съедали содержимое алюминиевыми ложками, а затем отползали подальше и аккуратно ставили банки так, чтобы не зацепить их лишний раз: любой звон мог пробудить охотничий инстинкт у вражеских снайперов.

Место для наблюдения было не самое приятное. Высота почти четыре тысячи метров над уровнем моря. Солнце днем все испепеляет. Самый скромный тенек трудно найти в скальных трещинах. Мы изнывали от жары в ситцевых маскхалатах на голое тело. Ночью же, наоборот, мерзли в полном горном снаряжении и бушлатах. И не подвигаться, кровь не разогнать — духи ведь тоже не дураки, выставили свои дозоры, а те на каждый шорох вели прицельный огонь. Очень серьезное место. Моджахеды в пещерах и склады артвооружения обустроили, и госпиталь, и места лежки.

Уже к исходу третьих суток все это вызывало раздражение. Только начали готовиться ко сну, как к нашей группе, прячась за россыпью крупных валунов, пробрался ротный. Сообщил, что внизу, вблизи кишлака, попала в засаду мотоманевренная группа пограничников на одном БМП. Был бой, со стороны погранцов есть потери: двое раненых, погиб сапер. Пострадавших эвакуировали вертушкой. Из боя-то ребята вышли победителями, могли и уйти, но обнаружили неподалеку от места засады явные признаки того, что ближние подходы к мармольскому кишлаку заминированы — судя по множеству разноцветных проводов, уходивших из потайной пещеры куда-то под землю. Духи подготовили минные поля, да не просто нашпиговали противопехотными минами и

растяжками, но и наставили радиоуправляемых, с электродетонаторами. Чего там, соединил два проводка — вот тебе и взрыв. Вот и запросили помощи пограничники, нужен был сапер. А коли мы ближе всех к ним оказались — нам и идти.

Собрались быстро, Кулаков пошел с нами, оставил за себя лейтенанта Зимина, старого боевого волчару, командира первого взвода. Ушел ротный с нами, чувствовалось: жаждет его душа поиска и свободы. А тут, на командной работе, стал чуть-почуть закисать Кулаков. Ушел, конечно, только по согласованию с вышестоящим начальством, выслушав от них многоэтажный мат, постановку задач и тому подобное.

Недели три назад группу пополнили новым сапером, Сержиком Оганесяном, армянином из Баку, молодым бойцом, прибывшим из учебки в наш полк. Ротный разнюхал, что Оганесян вполне приличный специалист, выдрал его из соседней роты, уговорил командира, что-то даже подарил ему, то ли магнитофон трофейный, то ли еще что-то. В общем, обмен состоялся. Сержик, а именно это имя было записано у него в военном билете, оказался отличным парнем. Мы долго думали, какое прозвище-позывной ему присвоить. Сержик сам помог. Была у него мечта — после службы в армии закончить ПТУ и стать трактористом. Даже в горы с собой он взял книгу «Трактор ДТ-75». Пытался читать ее, разглядывал чертежи и схемы, но почему-то остановился на пятнадцатой странице, и дальше дело у него не шло. По-моему, до самого моего дембеля в его учебнике так и была заложена все та же пятнадцатая страница. Прозвали Сержика Дизелем, так как техника его мечты заправлялась соляжкой. Сержик не возникал по этому поводу, легко отзывался на прозвище. Был он небольшого роста, крепкий, лицо украшали огромные черные глаза, а вот уши несколько портили портрет: крупные мясистые, чуть заостренные кверху.

Шли к пограничникам почти всю ночь. Осторожно ступали по тропе, огибали крупные камни, перешагивали через мелкие, выверяли каждый шаг. Впереди шел Шохрат, чутко прислушиваясь к звенящей тишине. За ним двигались Малец с рацией за спиной, Лиса с прижатой к груди винтовкой, потом я и Дизель. Замыкающим шел Кулаков. По ходу движения Узбек обнаружил растяжку. Снял ее сам, потом уступил место во главе нашей коротенькой колонны Сержику. Тот лишь рассерженно сопел, наблюдая, как Шохрат на ощупь искал конец проволоки, где, придавленная камнем, лежала эфка, готовая при неосторожном движении выскочить из-под груза — и рвануть, блеснуть ярким разрывом в темноте, впиться множеством зазубренных осколков в наши тела.

К тому времени, когда солнце уже стало просыпаться, продираться к изломам горных вершин, мы были еще только на подходе к кишлаку, ки-

лометрах в пяти от него. Решили сразу спуститься вниз, пересечь дорогу, уйти в зеленку и уже по ней пробираться к погранцам... Да не тут-то было: как только вышли на равнину, откуда-то из зарослей кустарника по нам затарахтел пулемет.

Залегли. Черт, камни мелковатые оказались — осыпи с гор. На БМП, БТР или танке проскочить без проблем, на «шишиге» или КаМАЗе — уже проблематично, а если уж на арбе или просто на лошади, то можно и в аварию попасть. Слава богу, что хоть эти камни тут оказались, все же защита.

Лежим, всматриваемся в зеленку. Я чуть ворочаю головой, оглядываюсь, пытаюсь рассмотреть, где остальные, определяюсь, что и как, и кто где. Мало ли, надо же знать оперативную обстановку. Ага, вон, справа, метрах в пятнадцати от меня ротный растянулся. Он поднял правую ладонь над землей — мол, всем лежать, показал двумя пальцами на глаза и ими же ткнул в сторону стрельбы. Да и так все ясно, командир! Смотреть надо, искать вражин. Чуть подальше от Кулакова замечаю каску Мальца и антенну рации. Наверное, Леха пытается на связь выйти то ли с пограничниками, то ли с полком. Поворачиваю голову влево — никого. Сзади слышу шепот Шохрата:

— Серега, спокойно, мы тут с Лисой... гы... тылы прикрываем.

Дизеля приметил раньше, он споткнулся впереди меня и залег, когда я ринулся к своему камешку.

Я все же чуть приподнялся, чтобы увидеть их, — и тут же из зеленки яростно хлестанул пулемет. Я вжался в землю, попытался влезть под камень. Да куда там — камень плосковатый, то каска выглянет, то задница мелькнет. Выудил из чехла лопатку и стал окапываться. Короткое лезвие упорно вгрызается в каменистую почву, отбрасываю левой рукой из ямки щебень и пыль. И справа, и позади от меня — те же звуки и движения. Духи понимают, что мы делаем, и долбят не переставая. Так, сантиметров на двадцать выкопал себе убежище — нормально, жить можно, больше пока и не надо. Даже подкопал камень-укрытие с правой стороны, выставил туда ствол автомата и высматриваю, откуда по нам шмаляют. Солнышко приходит на помощь, вырывается-таки из-за скал, бьет по глазам духам, не дает нормально прицелиться.

Сзади слышу голос Гены:

— Мужики, вижу! Сейчас стреляю, смотрите — камень прямо перед нами. За ним за кустами стена, в ней — окно-амбразура. Оттуда бьют.

Я всматриваюсь до рези в глазах. Камень вижу, кустарник тоже, а вот стену, а тем более амбразуру — нет. Интересно, еще кто-то, кроме Лисы, что-то видит?

— Бах! — выстрел сзади.

Пуля Гены выбивает пыль и кремнистые осколки из стены. Есть! Теперь и я вижу сложенный из камней дувал с небольшим продольным узким оконцем.

Кулаков вполголоса говорит всем:

— Парни, лишний раз не стреляйте. Просто следите за возможным передвижением духов. Лиса — повнимательнее. Дизель, Малец, прикрывайте тыл. Аккуратнее там! Узбек, пулемет к бою, попробуй достать амбразуру.

Не успевает ротный договорить, как Шохрат лупит длинной очередью по узкой щели. Пули ложатся выше, визгливо уносятся в ветки кустарника, срикошетив о камень, сбивая листву.

— Узбек, пониже возьми, попробуй сбить кустарник, — прошу я Шохрата, — плохо вижу, что там.

Шохрат еще раз длинно стреляет, но быстро замолкает, поскольку духи в ответ открывают огонь.

Почти бесшумно хлестко ударяет выстрел винтовки. Лиса ругается:

— Твою мать... ведь попал туда, в щель, а никого не зацепил... плохо дело...

— Что видишь, Лиса? — спокойно спрашивает ротный.

— В общем, похоже на дот, — докладывает Гена. — Со стороны дороги у них две амбразуры. Вон она, вторая, ниже сантиметров на пятьдесят и правее на метр.

Я слежу глазами за указаниями Лиса и точно замечаю все, о чем он говорит, вижу очертания грубо сложенного каменного укрытия. Ну, грубо не грубо построено, а нам все равно в горы назад не уйти, влево или вправо — тоже, мы как на ладони, из пулемета нас положить как два пальца об асфальт!

Кулаков достал бинокль, прижал наглазники к лицу, смотрит и думает. У него на висках струйки пота, они скатываются по щеке, наливаются крупными каплями, срываются с кожи и расплываются жирными пятнами на рукаве бушлата. Откуда я знаю это, если достаточно далеко нахожусь от командира и не могу видеть в подробностях? Так догадываюсь, поскольку сам уже потею. М-да, еще с полчаса — и солнце начнет нас медленно жарить. В бушлатах и бронежилетах лежим, получится мясо шурави в собственном соку. Ну уж нет! Постепенно выдираюсь из броника, стягиваю бушлат, вынимаю из его карманов пачку сигарет, спички и две гранаты. Курить я не собираюсь, просто для сохранности сигареты вынул, чтобы уцелели: когда все это закончится, ох и потянет к табаку. Все кладу перед собой, бушлат же откидываю в сторону, нет ему тут места. И тут же в меня летит пулеметная очередь духов. Пока отвлекал их, Кулаков и Малец стянули лишние вещи. Лиса, Узбек и Дизель сделали то же самое.

Теперь напяливаю бронезилет обратно на себя. Эх, красота — без бушлата я еще надежнее, еще глубже прячусь от духов за ставший родным камень.

— Лиса, сколько их там? — кричит Кулаков.

Гена выплевывает спичку и задумчиво отвечает:

— Не пойму, трое или четверо. На одном точно серый пакуль, второй в тубетейке, третий в чалме, а четвертый просто лысый... — Лиса замолкает. — Впрочем, может быть, лысый тот же, что и в чалме был. Темно там у них, — словно извиняется снайпер. — Рожи плохо видно!

Смотрю на циферблат часов. Твою мать! Мои часики трофейные пострадали во время стычки. Когда это я успел хрястнуть их о камни?! Стекло циферблата покрылось сеточкой трещин. Вот же, а кто-то ведь говорил, что на часах этой фирмы вместо стекла хрусталь стоит, такой ребристый, с четкими гранями, словно драгоценный камень, и твердый — не разобьешь, даже если постараться. Видать, я постарался. Не только циферблат хрястнул, вон и локоть на правой руке саднит, расшиб, когда сунулся к земле от пуль. И не заметил ведь. Жалко часы. Ну, да какие наши годы!

Уже давненько, может быть, с полгода назад, взяли мы караванчик небольшой, всего-то — четыре полугрузовые японки. Шли они по Калатке — так мы, шурави, называли дорогу, ведущую от Кандагара до Кабула. Что везли, было непонятно, поскольку кузова пикапов были плотно затянуты выгоревшим, белесым брезентом. В любом случае, караван нужно было брать — мало ли что они могли везти сюда, вглубь Афганистана: оружие, взрывчатку, мины или наркотики. Если уж мирный груз, то Господь с ним, пусть везут, — хотя все, что перевозилось из соседних стран, было контрабандой. Но наше-то какое дело? Везут и везут, надо же как-то существовать дукащикам, оптовикам, да и простому люду.

Всегда меня поражало и удивляет до сих пор изобилие товаров в воюющей стране. Просто уму непостижимо. К примеру, на рынке в любом мало-мальски крупном кишлаке, я уже не говорю о городишках, купить можно все. Дервиши бродячие всегда могли рассчитывать на какие-то лохмотья, драные, прожженные во многих местах плащи-накидки, зашивленные, дырявые головные уборы — тубетейки, чалмы, пешаварки. Более избалованный нищий люд мог позволить себе старые, поеденные молью и временем пакули, пластиковые сандалии — мы их называли «кандагарками», что-то похожее на современные пляжные тапочки. А наряду со всем этим лохмотьем легко можно было купить кожаные куртки или плащи из тончайшей, великолепно выделанной лайки, дубленки, с мягкой овчиной внутри, джинсы, не только азиатского,

хренового качества, а настоящие, американские. Конечно, приобрести на дембель такие штаны плюс трикотажные рубашки-батники было зачастую невыполнимой мечтой солдата из ограниченного контингента.

Помимо шмоток, поражало изобилие технических товаров. Радиоприемники, телевизоры, видеомагнитофоны, обычные магнитофоны японского производства каждый из нас мог видеть на гражданке только в импортных рекламных журналах. Надо сказать, что аппаратура работала на батарейках, редко кто-то из местных мог похвастаться наличием аккумуляторов. В продаже были и различного вида батареи, начиная от мотоциклетных до огромных вертолетных, танковых или камазовских. С бытовыми приборами соседствовали огромные терриконы различных приправ — разноцветные молотые перцы, чаман, шафран, барбарис, гвоздика и прочее аппетитно пахнущее было насыпано на тряпки, расстеленные, в лучшем случае, на досках прилавков, а то и просто на земле. Ветер взметывал придорожную пыль, смешивал ее с сумасшедшими запахами приправ и носил по базару, заставляя чихать и кашлять покупателей и торговцев.

Если бы караванчики тогда остановились по первому нашему требованию, могли бы остаться в живых. Однако, когда на дороге метрах в пятидесяти от приближающихся автомобилей вышел Шохрат и поднял руку, давая понять, что нужно остановиться, из пассажирского окна первой машины высунулся автоматный ствол, и пули прочертили дорожку у самых ног Узбека. Конечно, напрасно они это сделали. Неужели не понимали, что вот так, запросто, никто бы не вышел на дорогу? Безусловно, знали, но, поскольку шли из Пакистана от ущелья Шенарай, то еще и прекрасно понимали, что их могут перехватить либо духи, либо мы. Торопились ребята в кишлак Назаркала, где они могли на какое-то время затаиться, спрятать машины. Кишлак недаром пользовался не очень хорошей славой: там частенько «отстаивались» грузы с вооружением, отлеживались раненые духи и даже формировались некрупные, но достаточно боеспособные соединения моджахедов. Знало об этом и наше командование. Мы периодически шерстили кишлак, прочесывали, пытались установить договорные отношения. Но, видать, страх перед моджахедами пересилил льготы, предлагаемые шурави, хоть и страдали местные жители от боевых действий, неизбежно проводимых советскими войсками во время проводки через кишлак крупных караванов. Кому могли понравиться бомбовые удары по жилищам или артобстрелы? Терпели жители и жестокие расправы, когда раздосадованные потерями грузов караван-баши срывали свой гнев и резали глотки первым попавшимся назаркалинцам, обвиняя их в том, что своевременно не сообщили о готовящемся нападении на караван.

Кашель ударил из пулемета прямо под колеса грузовичка, потом повел ствол вверх, перечеркивая лобовое стекло. Пули разодрали резину, хлестнули внутрь кабины, попутно размолили радиатор, откуда сильными струями выплеснулись пар и вода. Машина словно наткнулась на стену, резко повернула вправо, туда, где только что стоял Шохрат, уперлась голыми передними дисками в большой плоский камень и опрокинулась на правый борт, покачалась мгновение и рухнула на кабину.

Узбек откатился достаточно далеко, уже пришел в себя и короткими очередями из автомата бил по японке до тех пор, пока не взорвался ее топливный бак. Машина подпрыгнула на месте, из нее никто не выскочил, даже не попытались открыть дверцы.

Все это я видел не очень ясно, боковым зрением, поскольку был сосредоточен на последнем автомобиле, из которого тоже пытались вести огонь, но не прицельно, так как нас трудно было засечь в придорожном глубоком пересохшем арыке. Бежевая машина, за которой я следил, остановилась от удара о впередиидущую, такую же, только серо-голубую. И в этот же момент раздался сильный взрыв. Пламя вырвалось из-под брезента грузовичка, мощным вихрем втянуло в себя раскаленный пламенем воздух, устремилось в небо, а затем распухло мягким грязным грибом, из которого во все стороны ринулись осколки, камни и большие куски разорванных автомобилей.

Две уцелевшие машины остановились, из них бешено лупили по нам из автоматов. Пришлось немного подождать, когда начал стихать ураган выстрелов, магазины-то у них не резиновые. Из белой машины выкатился на дорогу водитель, кувыркнулся в пыли, встал на одно колено, стрельнул коротко в сторону Узбека, пригнулся к земле и рывком бросился к арыку, где ему ничего уже не светило, поскольку он свалился прямо под ноги нашему ротному. Кулаков встретил его затылком автомата, ударил точно в челюсть. Если бы не грохот выстрелов, шум пламени горевших машин, наверняка бы можно было услышать треск ломаемых костей челюсти. Дух обмяк серой тряпкой, выпустил автомат из рук. Старлей отбросил его ногой подальше от себя и вновь сосредоточился на автомобилях.

Забили тогда караван достаточно быстро и более-менее успешно. Установить, что именно и сколько оружия и снарядов везли в грузовичках, не представлялось возможным.

В уцелевших машинах обнаружили огромное количество наручных часов. Были там и электронные часики в металлической и пластмассовой оправе. Да каждый, наверное, помнит такие, с семью мелодиями, с калькулятором или без него. Были часы и посерьезнее. По праву победителей каждый из нас взял себе понравившийся экземпляр. Мне приглянулись

часы с желтым, как тигровый глаз, циферблатом. Можно было взять и больше, но куда и зачем? Набили Юркин рюкзак трофейными часами, Кулаков на это только ухмыльнулся и одобрительно кивнул головой.

Во второй машине мы пополнили запасы продуктов. Итальянская тушенка в остром томатном соусе и кисло-сладкие леденцы в маленьких упаковках долго потом радовали нас, а сок в жестяных баночках приятно разнообразил вкус воды из местных рек.

Оставлять на дороге такие богатства никто из нас не решился бы, поэтому Кулаков распорядился отогнать с дороги автомобили и взорвать их. Сначала мы оттащили на обочину остатки взорванных машин, потом Юрка поставил взрывчатку на уцелевшие. Мы спрятались в арыке. Раздалось два взрыва. Все, каравана больше не было.

Уже серело небо, когда прилетела вертушка, куда мы посадили пленного со сломанной челюстью и загрузились сами. Щедро отсыпали летунам охапку часиков из Юркиного рюкзака, вызвав его неудовольствие, быстро погашенное умелым подзатыльником Кулакова. Летуны покачивали головами: мол, вы — демоны, разве ж можно так с вещами обращаться. Под «вещами» они, конечно же, не подразумевали бойца ограниченного контингента Юрку Кошеля, почесывающего шею, совсем нет. Участок дороги, куда рассыпались после взрыва часы, напоминал фантастический инопланетный пейзаж: в наступающей темноте дорога подмигивала сотнями красных и зеленых глазков раскуроченной электроники.

Сквозь треснувшее стекло циферблата вижу, что духи держат нас уже около получаса. Огонь с их стороны то усиливается, то прекращается. Начали экономить пулеметные патроны, стреляют из автоматов. Лежим, дышим в пыль. Я стараюсь выцеливать мелькающие пятна в амбразурах, но не получается никак попасть в них: то ветки кустарника отвлекают, то просто откровенно мажу, поскольку угол обзора из-под моего камня очень узок. Опять ковыряю почву, расширяю обзор, углубляю яму. Духи, заметив мои фортификационные усилия, сосредотачиваются на мне. Пули то смачно вляпываются в землю, выбивают из нее короткие вспышки пыли, то глухо ударяют в камень, который в ответ тоже глухо гудит, то посвистывают над головой. Ни то, ни другое, ни третье никак не веселит, заставляет вжиматься в нагретую землю, ощущая все ее неровности и грани мелких камешков. Слышу стрельбу со стороны Кулакова и Мальца, Шохрат своим РПК выбивает по стенам ДОТа свинцовую дробь. Моджахеды переносят огонь на Узбека. Азартный Сержик вскакивает на колено и жмет на курок даже тогда, когда автомат его замолкает.

— Ложись, дурак! — кричу ему.

А сам удивляюсь: откуда Сержик оказался слева от меня, когда успел переместиться за соседний камень? Этот валун вначале я приглядывал для себя, хотел перекатиться за него до того, как более-менее обустроил гнездо. Видать, Сержику он тоже понравился. Наш сапер все никак не ляжет за камень — меняет магазин, жмет на курок вновь. Автомат молчит. Блин, долбаный салабон! Опять ору ему:

— Ложись, урод! Ложись!

Сержик плюхается за камень, смотрит недоуменно то на меня, то на автомат.

— Затвор передерни, чучело! — показываю на раму своего автомата, поняв, что Дизель меня не слышит.

Сержик кивает и улыбается смуглой, запыленной рожей, дергает затвор и опять стреляет по духам.

И вновь наступает чуткая тишина... Кулаков говорит с хрипотцой, не кричит, а именно говорит спокойным голосом, разве чуть громче обычного, напряженнее:

— Короче... Надо брать дот, иначе просидим здесь, пока подмога к ним не подтянется... к нам — вряд ли... Малец достучался пограницам, они выйти не могут, тоже бой держат. Наши — далеко. Тут либо уходить, либо брать избушку... — голос ротного мрачнеет. — Конт...

Наверное, я ждал этого и внутренне был готов. Придется мне штурмовать эту стену. Кто, если не я!

Кулаков быстро дает указания, я слушаю вполуха:

— Перед тем, как он пойдет, из всех стволов долбим по амбразурам, отгоняем духов, потом по команде Конта прекращаем, прицельно стреляет только Лиса...

Не успел договорить Кулак, как за моей спиной сухо стегает винтовка Гены.

— Есть! — вопит Лиса. — Есть! Уделал одного!

Мысленно я представляю, что сейчас творится внутри каменного помещения. Если Гена попал в лоб духу, его мозги должны разлететься во все стороны, заляпать других. Наверняка там сейчас небольшое замешательство: кто-то кинулся к убитому, кто-то оторвался от мушки. Вот он — момент.

Мгновенно сбрасываю с себя бронежилет, хватаю гранату, автомат летит в сторону. Ни к чему он мне сейчас, лишним грузом будет в руках. А мне важны легкость и скорость. Метров семьдесят отделяет расстояние от камня до дота. Никогда я не был хорошим бегуном, а тут придется. Ору во всю мощь:

— Огонь!

Парни лупят со всех стволов, я поднимаюсь из-за камня и бросаюсь к зеленке. «Господи, хоть бы не споткнуться, хоть бы не упасть», — умоляю судьбу. Бегу, смотрю под ноги, сознательно не хочу глядеть в черные провалы амбразур. Боюсь, наверное. Точно, боюсь, только гоню от себя страх, и быстро приближаюсь к цели. За спиной слышу еще выстрелы. Лиса бьет по цели, пока я ему даю возможность видеть ее, не загораживая собой. А тут справа ударяет автомат. Либо Кулак, либо Узбек прикрывают. Слева стрельба исключена: я перекрываю обзор Дизелю.

Знаете, пока бежал к доту, мысль билась одна в мозгу. Не смейтесь. Честное слово так было. Почему-то остро хотелось мне пельменей домашних. Таких, какие лепили родители в огромном количестве. Мама называла их «деревенскими», поскольку каждый был размером с хороший кулак и едва помещался в ложку. Так ведь трое мужиков было в семье! И лепили «деревенские» сразу сотни по две, по три.

Бегу и прямо ощущаю во рту вкус пельменей, с обязательной томатной приправой с перцем и чесноком, с уксусом. Не любят у нас в семье портить божественный вкус сочных пельменей сметаной... Отвлекаюсь от пельменей, сосредотачиваюсь на черных дырах амбразур. Осталось всего-то метров двадцать... Ничего себе — всего-то! Когда я плаванием занимался, четко знал цену метрам. Бассейн у нас двадцатипятиметровый был. Тысячи раз переплывал его туда-сюда. Если стометровая дистанция — знал, что четыре раза надо его переплыть. Расстояние до дота меньше. Молочу ногами по пыльной земле, вбиваю подошвами мелкие камешки еще глубже в почву, тороплюсь. Метров за пять перед дотом оскальзываюсь гладкой подошвой на предательски подставленной спинке черного камня, падаю на землю, чуть не роняю гранату из правой руки. Перекатываюсь через плечо, бросаюсь ближе к стене укрепления, стараюсь уйти подальше от нижней амбразуры. И вовремя: оттуда судорожно бьет автомат, пули чертят аккуратными дырочками пунктир у моих ног. В верхней амбразуре также появляется ствол, но только РПК. Пространства для маневра у него мало, не сможет достать меня, да и времени нет на это.левой рукой срываю чеку, прижимаюсь к теплой стене спиной, продвигаюсь ближе к амбразуре, почти втискиваю в щель гранату, тут же отдергиваю руку назад, обжигаясь о раскаленный ствол пулемета, и вновь сую гранату, пальцами проталкиваю ее внутрь. Сползаю спиной о стену, ткань рвется об острые камни, чувствую, как они раздирают кожу. Боюсь перевести дыхание, остро прислушиваюсь к звукам из дота. Там слышны крики, сквозь них четко слышу звон отброшенного пружиной рычага гранаты, зажимаю уши ладонями. Бум! Глухой разрыв. Ярость взрыва, погашенная тесным помещением, приглушена, зато вопль ужаса и пыль ударной волны, вы-

летевшие из амбразур, дают возможность мне вдохнуть полной грудью. Бесконечная, какая-то космическая усталость наваливается мгновенно. Тяжело, прерывисто дышу, от напряжения дрожат ноги, трясутся руки, пот стекает по телу, ручьями заливает глаза и уши. Смотрю на расплывчатые фигуры бегущих ко мне людей. Отмечаю, что нет Мальца. Первым подбегает Лиса, падает на колени:

— Серый, ты как?!

Не успеваю ответить, рядом плюхается Узбек:

— Ай, шурави, ай, красавчик!

Дизель тоже уже рядом, мнетя, не знает, что и сказать, просто хлопает меня по плечу рукой, цокает языком.

Подбегает ротный:

— Чего расселись? Пошли внутрь!

Парни исчезают. Кулаков садится рядом со мной:

— Ну, ты как?

Я неопределенно пожимаю плечами, морщусь. Спину саднит, в голове — пустота, вселенский вакуум, только слегка звенит что-то — может, контузия? Из дрожащего марева наплывает фигура Лехи, он на ходу кивает мне и исчезает где-то справа.

Кулак вынимает из лифчика пачку дорогих сигарет, срывает с нее целлофан, комкает пальцами фольгу из внутренностей пачки, протягивает мне. Я тянусь рукой, но пальцы сильно дрожат, бесцельно бьются о картонку. Николаич вытягивает зубами сразу две сигареты — себе и мне, на секунду останавливается, услышав выстрелы из дота, и успокоено подкуривает от зажигалки, распространяя запах бензина. Я благодарно закрываю глаза и бормочу:

— Товарищ старший лейтенант, а старшина наш — гад! — показываю уставшими, воспаленными глазами на свои вытянутые ноги и ботинки на них.

Кулаков вздрагивает, с шумом выдыхает ароматный дым, смотрит на ботинки и начинает ржать. Хм, а чего тут смешного? Подошва на правом ботинке оторвалась и демонстрирует миру мой носок с прорехой на большом пальце.

Неделю назад обратился к старшине, старшему прапорщику Губенко: мол, нет никакой возможности воевать в такой обуви. Демонстрировал ему изношенность ботинок, показывал, что даже и пришить подошву не к чему, ранты истерлись на нет. Губенко обещал помочь, подобрать что-то. Ушел в свою палатку-каптерку, пропадал там минут пятнадцать. В норе Губенко мало кому удалось побывать, да если б кто и побывал в этом царстве вечной тьмы, мало что мог рассказать. Наш старшина — настоящий старшина, как называл его Кулаков — раздобыл где-то не-

которое количество арматурного прута, сам спроектировал и сварил из него огромный куб, этакий решетчатый, с ячейками-клеточками не более трех сантиметров: если даже что-то и углядит тать, разрезав палаточную ткань, то вытянуть никак не сможет.

Вынес мне старшина обувь. М-да, красотища! Носки ботинок завернулись вверх явно лет с пяток назад, кожа потрескавшаяся, негнущаяся. Отказался я тогда от подарка прапорщика. Как-нибудь в своих пошжу еще. К обуви мы всегда относились серьезно. Ноги в горах — это жизнь. Новую пару ботинок обязательно проваривали в котле с рыбьим жиром. Да, запашок еще тот стоял — и при варке, и от прокипяченной обуви, но зато никакая горная роса, никакая речная переправа не были страшны таким ботинкам. Кожа становилась мягкой, эластичной и влагоустойчивой: достаточно протереть тряпкой — и ботинки сухие.

Впрочем, если бы не замполит, майор Дубов, и не масса проверяющих из штаба ОКСВА и ТуркВО, мы бы горя не знали и в кроссовочках. Вот ведь удобная обувь. Мягкие, легкие, не скользят по мокрому камню или траве. Красотища. Только нельзя их носить, вот в чем штука. Вернее, можно, но нельзя, чтобы политическое руководство видело такое вопиющее нарушение уставных норм. Армия на то и армия, чтобы многое неудобно было, зато — по-уставному. Так что летели наши кроссовки в разрубленном виде в мусорные кучи, которые с одобрения Дубова поливались керосином и поджигались руками нарушителей формы одежды, то есть нашими.

Год назад получили новые ботинки. Говорят, что фасоном они очень уж похожи на зековскую обувь. Не знаю, не видел, сравнивать не с чем, да и не хочется, честно говоря. Только думается, что фасончик все же изменить требовалось. Человек за решеткой разве истопчет за пару месяцев новые ботинки? Куда он в них ходит? На прогулку, в промзону? Разве что в побег бездумно уйдет, да и то при первой возможности сменит обувь на что-то другое. А у нас обувь на полгода выдается, носи до срока, хоть тресни. Только далеко не факт, что через полгода получишь новые ботинки. Ой, не факт. В лучшем случае старшина подберет что-то из своих запасов, менее заношенное, чем у нас, и не такое рваное, залатанное. Интересно, в армии вообще бывает новая обувь?!

Так что пришлось мне провозиться со старыми ботинками довольно долго. Искал дратву — у старшины оказалась только шелковая нить. Тоже мне, хваленный рачительный хозяин! Нашел у ребят из зенитного дивизиона. Прошил несколько раз те места, где ботинки вот-вот могли порваться. Наклеил на подошву клеем БФ несколько кусочков матерчатой наждачки — хоть как-то будет цепляться, а то подошвы истерлись до такой степени, что скользили даже по сухому камню. Да и наплевать, взял бы с собой «на войну» кроссовки — не впервой ведь таскать в рюкза-

заке и переобуваться, как только скроешься с глаз Дубова, а перед возвращением прятать. Только не в этот раз. Тут уж замполит был принципиален во всем. Ожидался приезд к нам в полк больших звезд, чуть ли не из самого Минобороны. Вот и ушли мы в уставном прикиде воевать.

Кулаков отсмеялся, хлопнул меня по затылку ладонью, сунул еще одну сигарету, взамен сгоревшей до фильтра:

— Ты, Серега, ничего не смыслишь в тактике! Сколько учить можно: перекатами нужно бежать, под разными углами, менять бег...

Он замолкает, явно читая в моих глазах: «Да пошел ты, тащ командир!» Еще раз шлепает ладонью, теперь уже по макушке в раскаленной солнцем каске:

— Ладно, отдыхайся, сейчас дальше пойдём.

Только теперь нервная дрожь уступает размягченности тела, ноги ватные, руки едва слушаются. С удивлением вижу след ожога на ребре правой ладони, вспоминаю, что обжегся о пулемет духов. Запоздало дую на покрасневшую кожу, чувствую, что болит серьезно, сукровица и прозрачная жидкость выступают на ладони. Блин! Тянусь к лифчику, чтобы вытянуть бинт... Да я же его вместе с броником оставил там, за камнем! А вот фляжка со мной. Снимаю ее с ремня, отвинчиваю крышку, резко втягиваю воздух. Чертыхаюсь, коснувшись парусинового загрузившего чехла обожженной рукой, и пью заваренную на верблюжьей колючке противно-теплую воду.

Вижу, что ко мне вновь подходит Дизель — притащил мой бушлат, разгрузку и бронезилет. Протягивает гранату, что лежала в моем укрытии, и пачку сигарет. «Ха, а ведь дедовщины никто не отменял», — как-то равнодушно думаю я.

— Ташакур, Сержик! — киваю ему. — Спичку дай.

Наконец-то ощущаю в легких крепость табака, закрываю глаза, глубоко затягиваюсь. Все, надо собраться, а то так и не доживу до родительских пельменей, шлепать нам еще далековато. Скептически смотрю на ботинок — куда уж в нем дойдешь!

Из-за угла дота выходит Кулаков, протягивает мне мягкие чупаки — сапоги такие, на тонкой кожаной подошве:

— Ну-ка, примерь!

Вижу разводы на коричневых голенищах.

— Вот спасибо! — щерюсь в улыбке, принимаю сапоги от ротного, листовой затираю на них кровавые следы, стягиваю с себя ботинки и с сожалением забрасываю их в кусты.

Сапоги оказались впору. При моем сорок пятом тут маловато обуви. Нормалек. Мягко, комфортно, только сквозь подошву ощущаю почву. Ничего, надежнее за землю цепляться буду.

Натягиваю на себя сбрую, обхожу дот, с обратной стороны вижу вход-лаз у самой земли, заползаю в него — надо же полюбоваться на дело своих рук! А там особо и смотреть нечего. Как я и предполагал, Лиса засадил пулю в башку духа — большое кровавое пятно расплылось почти под потолком, правее верхней бойницы. А вот и сам дух, что мозгами пораскинул от снайперской руки, лежит в уголочке обезбашенный. Мои трое у противоположенной стены лежат, убедительно посеченные осколками. Тот, что в пакули был, половину рожи потерял от взрыва, так и замер, прижал руки к отсутствующему лицу. Чалмастый, видимо, еще был живым, когда кто-то из наших добил его выстрелами, которые слышали мы с Кулаковым. Лысый лежал грудью вниз, и лужа крови застывала под ним, рубиново мерцая на свету. От тяжелого запаха крови, человеческих испражнений, пота и отстрелянных газов тошнота подкатила к горлу. Я сдержался, сглотнул ком, пошел на выход. Рядом с лазом, согнувшись в конвульсиях рвоты, головой к стене, скорчился Дизель. Шохрат и Малец рассматривали трофейное, мало на что годное оружие. Ствол РПК согнулся углом под тридцать градусов, автоматы тоже покорежило взрывом. Кулаков вынул из оружия затворы, сунул в карман лифчика:

— Все. Уходим!

И посмотрел на часы:

— До заката нужно быть на месте.

Ребята вытянулись цепочкой. Лиса подгонял отстающего Сержика, добродушно толкая его в спину прикладом винтовки. Я шел следом за ротным. На узкой тропе, тянувшейся среди зеленки, меня нагнал Малец.

— Конт, держи. Твое! — сунул мне в руку что-то увесистое, длинное.

— Ага, спасибо, Леха! — кивнул я, на ходу затолкал предмет под бронник, не выказывая никакого интереса.

У Мальца от возмущения даже лицо вытянулось, но он понятливо кивнул, обогнал меня и встал впереди. Но я чувствовал по его спине: он недоволен таким отношением к своему подарку.

Шли мы быстро, но аккуратно. Кулаков возглавлял колонну. Теперь мы ушли с тропы, переметнулись через дорогу и, скрываясь за нагромождениями камней, углубились в зеленку. Торопились, поскольку нужно было наверстать упущенное время, потерянное при стычке с духами, да и опасались, что на звуки боя к доту могли подтянуться вражины. Отмахали мы достаточно, прежде чем за спиной, довольно далеко уже, бумкнули разрывы.

— Вперед, мужики! Вперед, — еще сильнее заторопился ротный. — Уходим. Не хватало нам на пятках бородатых!

«Ха, а Дизель-то наш человек! — размеренно, в такт шагам, думал я. — Гляди-ка, сам харч метал, а все же успел растяжек наставить. Молоток, Сержик!»

Словно в подтверждение моих мыслей где-то далеко жажнул еще один разрыв, за ним — следующий.

— Товарищ капитан! — радостно завопил Дизель. — Сработало... вай, сработало! Я же после первой растяжки протянул еще одну на тропе, рядом слева. А они... ы-ы-ы... купились!

— Да заткнись ты, чудило! — пнул носком ботинка под зад радостного сапера Лиса. — Дойдем до места — порадуемся...

Узбек где-то позади промурлыкал:

— Парень песню поет о девчонке одной, а о ком он поет, отгадай, вместо имени милой он хочет сказать: долалай, долалай, долалай...

Хе-хе, тоже, инопланетянин, распелся! Но все равно как-то веселее на душе стало.

Я шел, словно во сне. Не верилось, что все произошедшее совсем недавно было со мной. Тело было уставшим, но очень отзывчивым на жизнь. Теперь хотелось двигаться быстро, целеустремленно, дышать полной грудью, ощущать покалывание камней, щепок, камешков сквозь подошву духовских сапог. И даже хлесткий удар ветки по лицу не вызвал раздражения, и пот, струящийся по спине, и саднящий ожог на ладони радовали полнотой ощущений. Я — жив!

Подоспели мы тогда к погранцам, как говорится, к шапочному разбору. Конечно, мы предполагали, даже знали, что бой там давно закончился, и парни просто ждут от нас помощи в качестве саперов. Ну, сапер-то у нас был, да еще какой — целый Сержик Оганесян, Дизель.

Прибыв на место, продравшись сквозь заросли дикого винограда, мы сразу вылезать из них не торопились: прислушивались, присматривались. Мало ли, как изменилась здесь оперативная обстановка. Хоть и не слышали ни стрельбы, ни взрывов, это еще абсолютно ничего не значит. Случалось, что и более крупные подразделения, чем экипаж единственного БМП, духи вырезали совершенно бесшумно. Ну, и нарваться на пули своих же шурави было бы глупо.

Залегли за кустами винограда. Лиса по команде ротного выдвинулся вперед, зашуршал легонько сухими лозами, исчез из виду. Минут через десять раздались крики, шум, лязг автоматных предохранителей. Вскоре Лиса открыто позвал нас:

— Все в порядке. Свои!

Ага, свои! Гена стоял в обнимку с винтовкой у дороги и тыльной стороной левой ладони растирал по физиономии кровь из разбитого носа. Блин, жаркая встреча! К нам выскочил крепкий, невысокого роста паренек, безошибочно узнал в усаче офицера, подошел ближе. Не используя армейских уставных формальностей, не вскинул руку к замурзанной

панаме, просто доложил: мол, так и так обстоят дела, докладывает сержант Сеницын, командир БМП. Ясное дело, извинился за расквашенный нос Лиса. Кулаков даже расчувствовался, пообещал дыню очень серьезных размеров снайперу за то, что был обнаружен и бит. Хмурый Лиса сидел на корточках, держал перед собой эсвэдэшку и жевал спичку. Но сержант был честным до конца.

— Товарищ... м-м-м... — все силился понять звание Кулакова.

— Старший лейтенант, — подсказал ротный.

— Старший лейтенант, — послушно повторил Сеницын. — Мы бы пропустили вашего снайпера. Тут так получилось, что вон механик наш, Билибин, срочно в кусты ушел, мучается поносом третий день. — Сержант показал рукой на парня в шлемофоне, сидевшего спиной к полуразрушенному ДОТу, явно измороженному желудочными болями. — Нажрался, скотина, трофейной сушеной дыни...

— Отставить лирику, — ухмыльнулся Николаич. — Давай, показывай, что за дела тут у тебя.

Сержант полез в гору, у подножия которой и стоял кишлачок с ДО-Том. За ним двинулись Сержик, Малец, Шохрат с РПК на груди, какой-то парнишка из экипажа БМП и Кулаков. Мы с Лисом остались на месте, рассредоточились по сухой зеленке вместе с пограничниками — тем самым механиком Билибиным в шлемофоне и еще одним сухим длинным поджарым парнишкой, представившимся стрелком Иваном Начальником.

Мы с Генкой переглянулись:

— В смысле — начальник?

На офицера парень явно не тянул: хорошо, если полных девятнадцать исполнилось. Ваня понял наши взгляды, улыбнулся:

— Не, Начальник — это кликуха. А так я просто — Великий. Фамилия такая.

Фамилия, как фамилия. Всяко бывает.

Пока мы, напрягая зрение рассматривали склон горы, куда ушли наши, наблюдали за кишлачком в десяток дувалов, я узнал, как Лиса выхватил гостинца. Саня Билибин, не таясь, рассказал, как было.

— Сижу я на корточках, уже и сил нет сидеть-то, — сокрушенно говорил Саня. — Боль в желудке, аж выворачивает наизнанку. Вдруг показалось: шевеление какое-то. Подумал еще — геккон или варан шебуршится. Сижу, слушаю, автомат поближе подтянул. А тут, оба-на, из-за спины кто-то наваливается! Ну я и саданул туда, за спину, прикладом. Вот, попал в нос вашему снайперу. Хорошо, увернулся он, вскользь приклад прошел, а то бы сломал нос-то...

Да уж, попал Лиса. Я потихоньку засмеялся, скрывая лицо. Ко мне подобрался Гена.

— Ну, чего ржешь? Сам прикинь, — спокойно, не оправдываясь, заговорил он. — Почти до самой опушки меня никто не слышал, никто не дернулся, я их всех мог снять очень даже быстро. Расселись на броне, как зяблики, блин! — Гена выплюнул разжеванную спичку.

— Так чего у вас тут произошло? Из-за чего шум-гам? Зачем мы к вам пробирались? Вы что, не могли у своих помощи запросить? — засыпал я вопросами Билибина. — А ты, Лиса, шлепай назад, бди! А то тебе за нос твой разбитый Николаич пропишет.

Гена ушел в свой сектор, расчехлил винтовку, прильнул к окуляру и заскользил взглядом по ландшафту.

— Понимаешь, мы тут в разведке были. В этом кишлаке то ли лежка духовская была, то ли новая банда формировалась, — начал рассказ Билибин.

Как оказалось, подошли погранцы с той самой стороны к кишлаку, откуда и мы появились. Заглушили БМП. В дозор отправились Билибин и Великий. Вышли почти к самому ДОТу, за которым течет арык. Вроде бы тихо. Решили проверить. Саня вышел, не скрываясь, из зеленки, зарядил «муху» и всадил снаряд прямо в небольшую амбразуру ДОТа. Только метнулись с Начальником к дувалу, как из кишлака открыли огонь. В общем, разведка боем получилась. Залегли парни в зеленке, начали отстреливаться из автоматов — благо, духи не пошли в атаку, а то бы растерли в глину пацанов. На стрельбу из зеленки выскочила БМП, не останавливаясь, дошла до ДОТа, врезалась заостренным краем передка в дувал и почти полностью развалила его. Обзор намного увеличился. Видно стало, как духи перебежали от дувала к дувалу, сначала подтягивались к центру кишлака, видимо, надеясь задолбить шурави, а то и разжиться броней в личное пользование. Тем более, что БМП стояла глухо, пушка молчала. Из машины выкатились сержант, сапер Щерба (Толик Щербаков) и наводчик-оператор Митек (Витька Митин). Что за фигня? Может, горит машина? Да нет, целехонькая стоит, только молчаливо так, скромненько. Мужики за броней прячутся, стреляют по духам. Саня Билибин к ним подкатился, мол, в чем дело-то, сержант? Синицын отмахнулся только, вскарабкался на броню, скатился в люк БМП. Оказалось, то ли Митек плохо отрегулировал вентиляцию, то ли она отказала, но сгоревшие пороховые газы не уходили полностью из машины, душили экипаж. Сержант все же сунулся внутрь — понадеялся, что через открытый люк машина повернется, уселся в свое командирское кресло, переключил управление пушкой на себя и начал жать на гашетку. Стрелял до тех пор, пока не потерял сознание. Отравился, конечно. Первые же залпы пушки показали духам всю бесперспективность их алчных желаний добыть броню. Духи сыпанулись на окраину кишлака,

споро покарабкались в гору, туда, где позже обнаружили пограничники пещеру. Но Синицын вел их до самого зева пещеры огнем из пушки и не дал возможности скрыться там.

— Мы потом ходили туда, — закурил Билибин. — Представляешь, в кишлаке и возле пещеры пятнадцать духов убитых. Сколько ушло, не знаю, не видел...

Ого! Вот это повоевали ребята!

Вытащили сержанта из БМП — он зеленый весь, еле дышит. Кое-как откачал его Щерба, еще и медбрат по совместительству.

— Ох и рвало Игореху, — качал головой Саня. — Мы думали, хана Синице... Но отошел, оклемался... Ой, — внезапно схватился за живот рассказчик и кинулся в дальний конец зеленки...

Скоро с горы спустился Кулаков, принес с собой пару отличных берцев — почти новеньких, не затасканных, не затертых, и вновь моего размера. Я не стал уточнять, где Николаич их достал. С облегчением стянул с себя ичиги, брезгливо отбросил их в сторону. Кстати, пока мы двигались к погранцам, Шохрат успел мне рассказать, насколько далек я от Азии, хотя бы потому, что неграмотно называл свою новую обувь. «Какие там ичиги?! — возмутился Узбек. — Если Кулак снял сапоги с узбека, то это — чиги, если с перса — сахтийан, с таджика — арих, с туркмена — кювеш!»

— Братишка! — насмешливо отвечал я Шохрату. — Мне глубоко плевать, как они называются. — Чиги ли, арих, кювеш... Мне бы переобуться в свои, родные ботиночки, и в грубу я видал эти сахтийан.

Шохрат озадаченно замолчал, выгнув черные брови: мол, ну-ну, расшеми меня, неверный.

— Скажи, Узбек, как этнограф энтомологу. Ты смог бы определить, с кого именно стащил сапоги ротный? С какого такого жучары — узбека, белуджа, туркмена, азербайджанца или даже, наоборот, с черкеса или дагестанца?

— Да ну тебя, Конт! Вечно ты со своей демагогией...

Шохрат перегнал меня и, уходя вперед, бросил:

— Откуда тут наши горцы возьмутся? Тоже мне, этнограф недоделанный!

Теперь у меня новая обувь. Интересно, каким кевешем Узбек назвал бы эти ботинки?

Уф-ф, можно хоть сбрую стянуть с себя. Снял лифчик, положил его под дувал, аккуратненько на камне расстелил. Потянул застежки бронника, и из-под него на колени выпал подарок Мальца. А я и забыл о нем совсем. Развернул обрывок серо-зеленой ткани, видимо, от рубахи кого-то из убитых там, в зеленке. Мама моя родная! Вот это да! Кинжал, да

длинный такой, сантиметров семьдесят вместе с рукоятью и украшенным набалдашником на ручке. Наверняка старинный. Ножны серебряные, черненные, с разводами арабской вязи, с отверстиями, в которых когда-то наверняка были вставлены разноцветные камни. Сюда бы здорово подошел лазурит. Нахожу на такой же витиеватой рукояти фиксатор, тонкую металлическую пластинку, нажимаю ее и вытягиваю на свет лезвие — широкое у основания, не меньше шести сантиметров, плавно сужающееся к острию. Кровостоки с обеих сторон лезвия аккуратно углублены и повторяют очертания кинжала. Мастер не поспешил на арабские письма. Красивая вещь. Только абсолютно мне не нужная, даже вредная. Не дай Бог, попадет на глаза Дубову — замордует так, что сам отдашь, еще и упрашивать будешь: мол, дяденька, возьми бакшиш, прости засранца!

Да, сделал Малец подарок! Впрочем, я понимаю Леху: сам так же поступил бы. Трофей принадлежит тому, кто завалил вражин. Отдам-ка я ножичек Кулакову, пусть он сам решит, как и что.

Сразу переобуваться в обновку не стал. Достал из мешка чистую портянку, что использовал в качестве полотенца для ног. Пошел босиком к арыку, сел на краю, опустил ноги в прохладную мутную воду. Куском хозяйственного мыла тщательно вымыл ступни, поелозил между пальцами, задрал штанины, погрузил ноги в воду по колено. Эх, красота! Насухо вытерся, натянул толстые носки, втиснулся в берцы, зашнуровал их, встал, потопал ногами в пыли. Просто замечательно сидят ботиночки на ногах. Они и правда отличные — видать, от амеров духи снарягу получали. Явно натовского образца обувь. Ничего, верой и правдой бойцу Стран Варшавского Договора послужат, хе-хе! Кожа на берцах мягкая, чуть ли не бархатистая, только в месте шнуровки более толстая, не морщится, не сминается. Головки ботинок округлые, ранты широкие, прошитые в несколько раз, а подошва... м-м-м... просто загляденье! Напоминает чем-то наши горные трикони, рубчатые, внешне даже похожие на рубашку эфки, прорези между рубцами широкие, ущелистые. Наверняка идти по каменистым горам в них одно удовольствие! Красотища!

Чем-то особым помочь пограничникам мы не смогли. Обнаружили в пещере несколько деревянных ящичков, смахивающих на наши посылочные. В них комками змеились разноцветные провода, какой откуда — черт разберет. Правда, нашли саперы карту минных полей, расположенных неподалеку от кишлака, где как раз должны были проходить наши войска при подготовке к скорой операции на Мармоле. Покрутили, повертели бумажку так и сяк — все исписано арабской вязью, сверили с нашей картой, и стало чуть понятнее, что и как. Сержик сгоряча хотел было соединить какие-то проводки, чтобы уничтожить хоть

несколько мин, но Кулаков дал отбой. Оно и понятно: хоть и излазили Дизель и пограничный сапер Толик Щерба и пещеру, и подходы к ней, сняли пару растяжек, отрыли противопехотную мину, но кто даст гарантию, что все обнаружили, все сняли? Духи — народ хитрый, собственно, как и любые саперы, могли сюрпризов понатыкать. Соедини не то, что нужно, и вся пещера на воздух взлетит. Поступили проще: по рации связались со штабом полка, Кулаков доложил ситуацию, выслушал гневный ор начальства и запросил огня на указанные квадраты. Корректировку огня взяли на себя.

Ждать пришлось долго, почти до захода солнца. В кишлаке никаких движений не было, тишина. Лиса с Билибиным услышали одинокое кудахтанье рябой курицы и мельтешение ее некрупного тела за камышовой загородкой в одном из дувалов. Сходили туда, притащили уже обезглавленную тушку. Толик Щерба взялся ощипать курицу. Парни разожгли костер, поставили на камни большой котел, варили что-то вкусное, пахучее.

Митек ковырялся внутри БМП, ругался, стучал инструментами, регулировал систему вентиляции. Высунул испачканную гарью рожу из люка:

— Товарищ старший лейтенант, мне бы на пробу стрельнуть надо!

— Давай, — махнул рукой Кулаков. — Только аккуратнее, вон туда пали, по окраине кишлака.

Наводчик скрылся в машине, башня БМП плавно повернула вправо, пушка чуть опустилась. Бабах, бабах, бабах — троекратно жажнули выстрелы. На краю кишлака вспухали пыльные разрывы, взметывались вверх куски дувалов, какие-то доски.

— Есть, — радостно заорал, откинув крышку люка, Митек. — Работает! — и вновь скрылся внутри, заглушил двигатель.

Внезапно с той стороны, куда велся огонь, раздались автоматные очереди. Каждый метнулся в свое укрытие. Лиса прыгнул за БМП, выцеливая стрелка. Автомат с той стороны замолчал, словно раздумывая, и вновь хлестанул длинной очередью прямо по броне. Пули застучали по металлу, зачиркали рикошетом, с воем уходили в небо.

Откуда-то выше нас, от самой пещеры по кишлаку ударил РПК Узбека, но явно безуспешно: не хватало Шохрату сектора обстрела, бил выше.

Ротный подскочил к броне, сунулся в люк, оттолкнул Митька, поводил носом пушки и ударил несколько раз в сторону выстрелов. И опять тишина.

Только собрались прочесать кишлачок еще раз, с горы спустился Синицын, попросил дать кого-то из людей и пойти самому, поскольку их недогляд, ведь осмотрели вроде бы все. Пошли втроем — я, Лиса и

Синицын. На окраине кишлака нас встретил Шохрат и тоже двинулся с нами. Крались вдоль полуразрушенных дувалов, прятались за стенами домов, каких-то пристроек-сараяв. Натыкались на брошенный скарб, лохмотья в мешках, корзины с чахлыми початками кукурузы. Сломанная арба перегородила путь, уныло завалившись на единственное деревянное, обитое железом колесо. Иногда попадались трупы духов, мы перешагивали через них, подбирались все ближе и ближе к предполагаемому месту засады стрелка.

— Вот он! — тихо воскликнул Лиса.

Сначала я даже не опознал в груди окровавленного тряпья тело. М-да, угораздило мужика! Грудь измочалена осколками, ребра иссечены в костный фарш, на месте головы — лепешка кровавая. Кровь жирно поблескивает, ярко белеют кости позвоночника, но и на них натекает чернеющая кровь, а вездесущие зеленые мухи уже жадно кружатся над трупом.

Тело лежало на боку. Ноги, сведенные вместе судорогой, прижаты к груди, правая рука откинута в сторону, рядом валяется калаш, левая рука вытянута вдоль тела.

Шохрат подошел к трупу, пнул ботинком по левой ноге, что была сверху, с нее слетела тапочка-чапли с подошвой, сделанной из автопокрышки. Штаны, широченные, из серой ткани, оказались заляпанными кровью у коленей.

Только теперь я понял, что насторожило Шохрата, да и Игоря с Геной. Все же я, наверное, тормоз! Ну, как сразу не понял, что нет на трупе традиционной рубахи длиннополой, с широкими рукавами, и обязательно жилета нет. Есть только вполне даже обычная гимнастерка советского образца на голое тело.

Собственно, в этом нет ничего удивительного. Местный народ охотно выменивал, покупал или просто воровал наше обмундирование. Часто можно было встретить даже высоко в горах какого-нибудь денди в шароварах, на плечах которого красовался парадный китель с погонями и петличками танкиста, артиллериста или автобата. На голове вместо чалмы или тюбетейки армейская серая зимняя шапка с кокардой.

Шохрат присел возле трупа.

— Серый, Гена, — подозвал он нас. — Смотрите, — перевернул правую руку трупа ладонью вниз.

Тут уж прав был Лиса, когда чуть не вскрикнул! Между указательным и большим пальцами ясно читались две буквы: «У» и «Г».

Кашель! Юрка Кошель. Да неужели это он?! Он, конечно, он!

Теперь уже я опустил на колени, лихорадочно расстегивал хэбэшку на груди убитого. Пальцы плохо слушались, тряслись, одну пуговицу

вырвал вместе с металлической дужкой, распахнул куртку. На левом внутреннем кармане расплылась надпись, давно сделанная хлоркой: «Кошель Ю., в/б (военный билет) №...».

Синицын непонимающе смотрел на нас. Подумаешь, нашли духа в советской хэбэшке!

— Игорь, как друга прошу, будь добр, сбегай за ротным, — попросил я Лиса. — Поверь, очень надо!

Сержант подхватил автомат и убежал, особо не хоронясь, громоыхнув по пути сломанной арбой.

До прихода Кулакова обыскали одежду Кашля. Ничего существенно не нашли. Документов при нем не было, писем или записок тоже. В левом кармане обнаружили тряпичный узелок с дурью, пачка сигарет, большая прозрачная зажигалка и автомобильный брелок с фирменным значком, но без ключей от машины. Из правого кармана вынули крупный рулон денег, перетянутый резинкой. Что-то около ста тысяч афгани в скатке оказалось мелкими купюрами. Найденные вещи разложили возле ладони с татуировкой.

— Твою маму в клетке видел! — озадаченно ругнулся Кулак, увидев такой натюрморт.

Присел рядом с нами, в несколько затяжек высосал сигарету, горько сплюнул в пыль:

— Лиса, найди какую-нибудь тряпку побольше. Узбек, там арба валяется, отломай от нее дышла. Конт, поищи гвозди или что там еще.

Кивнули, разбежались на поиски. Очень скоро я набрел на хижину, где явно жил мастеровой, кузнец или плотник, кто знает, но инструмент его годился и для того, и для другого. Я прихватил с маленького верстака ржавый молоток, пластиковую банку из-под чая, наполненную тоже ржавыми, гнутыми гвоздями, обломок сломанной пилы с крупными зубцами и заспешил назад.

Быстро сбили носилки из оглобель и старых, почерневших от времени и солнца обломков досок, кое-как опилили концы, чтобы не цепляться лишний раз. Подняли обезглавленное тело Кашля, уложили на носилки, накрыли труп куском мешковины и понесли добычу к БМП.

Уже начинало темнеть, потянуло холодом. Пришлось влезать в бушлаты. Кулаков распределил дежурство: к пещере отправил Шохрата, Библина, Митька и Мальца. Здесь мы распределились по парам на всю ночь.

Нужно было ждать следующего дня, когда налетит с бомбежкой на минные поля авиация. Быстро поужинали густым супом из здешней курицы. Повара натолкали в бульон и гречки, и картофельного порошка, и даже немного перловки сыпанули. Варилось все вместе, так что по-

лучился скорее не суп, а какое-то пюре, но вполне вкусное и сытное, а главное — горячее. Только Шохрат возмущался дикости и неумению варваров, испортивших такой продукт. Впрочем, слупил свою порцию скоренько — как только ложка не расплавилась от мелькания!

В первую смену выпало мне караулить с Игорем Синицыным. Мы лежали за броней БМП, вслушивались в ночь, курили в кулак.

— Серег, — позвал Игорь. — А что это за черта мы подстрелили?

— Сержант, — негромко произнес бесшумно появившийся за нашими плечами Кулаков. — Оно бы тебе и знать не надо. Давай договоримся: ты ничего не видел, ничего не слышал. Не надо тебе в эту вонючую историю влипать. Мы сами грохнули, сами нашли.

— Как скажете, товарищ старший лейтенант, — покладисто согласился Игорь. — Просто интересно.

— Ну, кое-что тебе Конт расскажет, я так думаю. — Хлопнул ладонью по моей каске. — Ладно, я в БМП подремлю. Бдите тут! Кстати, как тебя тут кличут? — поинтересовался ротный.

— Джон, — коротко ответил сержант.

— Добро, Джон! — кивнул Николаич и исчез.

Собственно, что я мог рассказать Игорю? Что Кашель был полный придурок, обалдуй, отличный сапер. Оп-па. Сапер. Может быть, именно поэтому он и оказался здесь, где создавались минные поля? Коротко описал Синицыну приколы Юрки со скорпионами и варанами, его подлости с «велосипедами», о том, как пропал он с блокпоста. Джон удивленно кивал головой, вздыхал: «Вот же гад!» Я замолчал, задумался: ради чего Кашель пошел на это?

Что, собственно, мы знали о Юрке? Кашель родом откуда-то из центральной России. Отец — рабочий на заводе. По редким рассказам Кашля, батя пил и бил мать, нянечку из детского сада. По ходу доставалось и ему, старшему. Впрочем, не меньше перепадало и среднему брату, и младшей сестре. Жили скудно да бедно, поскольку львиную долю денег отец обычно не успевал донести домой. Перед армией Юрка закончил ПТУ, стал трудиться на том же заводе, где работал отец. Сначала был учеником токаря, через пару месяцев самостоятельно встал за станок. Первую зарплату пропил. Всю. До копеечки. Хотелось, видимо, быстрее стать взрослым. Был опять бит папашей, хотя и пытался оказать ему сопротивление. Но еще силен был батя, вломил конкретно. Мать изрыдалась вся, просила Юрку не пить больше, помочь ей хоть как-то. На удивление Юрка послушался, и почти полгода, до самого призыва, не пил, исправно приносил все деньги матери. Даже гордость испытывал, помогая семье. Отцу в притязаниях на свои деньги дал твердый отказ. Нет, и все. И дело даже не в том, что помнил обиды телесные, нанесен-

ные отцом, — нет! Увидел Юрка, что и сестренка стала ходить в новых, пусть и скромных платьицах, и братишке к школе купили новый костюм и портфель. Ведь здорово как!

Не стал особо заморачиваться проводами в армию, просто купил ящик портвейна, какой-никакой закуси да приволок все это добро на танцы в клуб. Попили с парнями в скверике, подрались с практикантами приезжими из института, пообжимались с девчонками, а утром ушел Юрка в военкомат в сопровождении матери, брата и сестры. Отец не смог даже голову от подушки оторвать, чтобы проводить сына в армию, только буркнул что-то на прощание и опять провалился в похмельный сон.

...Нет, никак не мог я понять — почему, ради чего, зачем Юрка ушел? Почему ему башку не отрезали духи? Чем так приглянулся им Кашель? Вопросы, вопросы, вопросы.

На броне завозился кто-то. Я поднял голову, увидел спускающегося ротного.

— Ну-ка, поди сюда, — поманил рукой Кулаков в сторону разбитого дувала. Присели, оперлись спинами к стене. — Кури, — протянул почти пустую пачку.

— Спасибо, не нужно, — отказался я. — У меня есть. Будете? — в свою очередь, протянул пачку дешевых сигарет.

— Добро. Давай! — старлей вытянул пальцами сигарету, помял ее, придавая округлую форму, прикрылся ладонью, закурил. — Вижу два выхода из ситуации. Первый: Кошеля не находили. Пусть все остается так, как решило следствие. Полез за чарсом в ущелье, сорвался, погиб. Второй: сообщаем в полк о находке. Там уже особистам доложат. Из плюсов этого варианта — нас эвакуируют отсюда вместе с телом. Следствие возобновят, в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Не думаю, что ударит по тебе. Может слегка стегануть Узбека: мол, зачем соврал? Но и это недоказуемо. Рассказал, как было. А как уж дальше дело пошло, кто ж ведал. Что скажешь?

— Николаич, думаю, второй вариант выгоднее первого. — Заторопился объяснить я, чтобы он не подумал чего-то. — Народ здешний мы не знаем. Парни вроде отличные, а там кто знает. А если кто-то что-то кому-то стукнет? Нам же всем и несдобровать. Вам же первому прилетит.

— Логично, Серега, логично. Я тоже склоняюсь ко второму... — Кулаков помолчал, задумался. — Вот же Кашель, вот же гад, напаялил нам на башку проблемы, хрен стянешь. Не пойму, что с ним случилось, зачем он так-то?

— Да я тоже голову ломаю, как все это произошло. Впрочем, теперь оно и не важно, — начал заводиться я. — Важно то, что эта тварь по нам

стреляла. Пусть он не видел, что это именно мы, но ведь автомат поднял на погранцов. И не факт, что не долбил по ним же при первом столкновении. И потом, — вспомнил я. — Юрка хорошим сапером был, а тут — минные поля. Ведь опять же, знал и действовал сознательно!

— Верно. Все верно, Конт. Ладно, успокойся. Меняйтесь сменами, и отбой. Денек завтра трудный будет.

Хе-хе, напугал козла капустой. Когда это на выходах деньки легкими были?

Следующей сменой нам с Игорем выпало время с трех до пяти. Промозглый, липкий туман уже спускался с гор, оседал холодной росой. Лиса оскользнулся на броне, грохотнул прикладом винтовки о БМП, залез внутрь и прикрыл крышку люка. И вновь мы лежали рядом с Игорем, зябко поеживались в волглых бушлатах, позевывали, пытались раскурить подмокшие сигареты. Сквозь сон я слышал, как Кулаков ушел вверх к пещере, да так и не вернулся — решил, видимо, переночевать там.

— Знаешь, Серега, — заговорил Игорь. — Я тоже недавно столкнулся то ли с предательством, то ли еще с чем-то. Никак не пойму.

И рассказал Игорь странную историю:

— С месяц назад командир заставы приказал мне выдвинуться на броне с пулеметным расчетом к штабу нашей 4-й мотоманевренной группы и поступить в распоряжение какого-то нового офицера. Знаков различия на нем не было. На месте была сформирована группа из нескольких машин с десантом, на складе мы получили штук пять ящиков автоматных патронов и несколько ящиков с выстрелами от РПГ. На командирское место нашей машины сел офицер лет двадцати восьми — тридцати, в новенькой, не линялой хэбэшке. Колонной выдвинулись из расположения. Проехав часть пустынной местности, выехали на край высокого обрыва. Внизу густо рос высокий, выше человеческого роста камыш, за ним протекала река.

Игорь говорил быстро, торопливо. Я не перебивал, просто внимательно слушал.

— По приказу офицера развернули броню в разные стороны — практически получилась круговая оборона, пулеметные расчеты разместились на верхнем срезе обрыва, заняли свой сектор, стрелки-наводчики и механики-водители своих мест не покидали, постоянно находились в готовности к ведению боя и маневру. Офицер, велел нам смотреть в оба, спустился вниз к камышам. Как и было приказано, я внимательно осматривал прилегающую местность в бинокль, но так и не заметил, когда из камышей внезапно появилось трое афганцев. Один из них был пожилым жилистым бородачом в серой длинной рубахе и плоской пуштунке,

второй — помоложе, в темном пиджаке с короткой черной бородой, третий — совсем пацан, лет шестнадцати, на нем были жилетка и похожая на татарскую высокая тубетейка, расшитая блестками. Я еще подумал, что он на цыганенка пацан похож. Все были с нашими автоматами. Да, еще меня удивило, что они свежие и чистые, в отличие от ашнаков, которых я видел в Шерхане, не говоря уже про муштивских оборванных дехкан в горах. У этих даже морды были холеные.

Игорь досадливо сплюнул в пыль, потянулся к пачке сигарет, лежавшей на камне между нами, и продолжил:

— Наш офицер поздоровался с духами и, расстелив бушлат, сел на землю спиной к нам. Духи тоже сели, положили автоматы рядом. Они о чем-то говорили минут пять, нам даже голосов не было слышно. Потом офицер и двое взрослых духов отошли в сторону и продолжили разговор без молодого. Тот же, оставшись один, быстро стал обшаривать офицерский бушлат, оставленный на земле.

Инстинктивно я схватился за автомат, но что-то мне подсказало: не стоит из-за этого стрелять, ведь там, внизу, офицер был совсем один, и при нем не было даже пистолета. Переговорив, тройка вернулась на место и подошла к подъему обрыва.

Поднявшись к нам, офицер приказал спустить вниз боеприпасы. Я тут же ему доложил, что видел, как молодой бача обыскивал его бушлат. Он лишь усмехнулся: «Ты что, сержант? Какой же разведчик берет что-нибудь с собой на переговоры?»

Я был очень удивлен, что мы отдаем боеприпасы духам, которые могут полететь пусть не в нас, но в наших товарищей, может, в другом месте. Когда мы поднялись к машинам, я спросил об этом офицера. Внутри у меня все протестовало, но он ответил что-то вроде: «Это уже не твое дело, боец!» Назад мы ехали молча.

Больше я того офицера никогда не видел. Недавно ребята сказали, что был слух, будто та встреча, с расплатой патронами, обеспечила беспрепятственный проход одной из наших точек на другое место базирования. Ее действительно вывели без потерь. Колонна с той точки прошла мимо духов, стоявших по обе стороны шоссе, стремительно, не останавливаясь. Проскочила и мимо блокпостов, где стояли ребята нашей мангруппы. Понимаешь, Серега, может, оно и правильно было сделано, только как-то гадко на душе до сих пор.

Так Игорь закончил рассказ и, затушив окурок о стену дувала, отбросил его щелчком в начинающий редеть туман.

— Да брось ты париться, Игорь! — успокаивал я Синицына. — Не вы первые и не вы последние делились с духами боеприпасами. Восток, однако! Не сможешь отобрать, купи. Не сможешь купить, укради. Не

сможешь украсть, обменяй. Вот и договариваются. А что, лучше было бы, если бы ваших ребят с той точки покروшили душары?

— Да понимаю я все. Только говорю же, противно как-то! Неправильно, что ли, — пристукнул по колену кулаком сержант.

— Может, «варенку» отдали? — спросил я.

Зачастую бывало, что для решения краткосрочных проблем отдавали духам в обмен на какие-то условия заранее сваренные патроны. С них и толку-то — «пшик», да и все.

— Да ну-у, — неуверенно протянул Игорь. — Там душары серьезные очень были, «варенкой» бы не отделались. Себе дороже обошлось бы.

Мне вдруг стало как-то тепло на душе: ведь доверился сержант мне, рассказал, что тяжелым грузом лежало на сердце. Наверняка и ему стало спокойнее, ровнее дышать. Я моментально принял решение:

— Ну-ка, погоди, командор, я сейчас.

Кинулся к БМП, где под колесами оставил свой мешок, распустил клапан, сунул руку внутрь, нащупал вчерашний трофей, вынул его в той же тряпке, в которой мне отдал кинжал Малец.

— Вот, Игореха, держи! — протянул сверток Синицыну. — На память!

Игорь непонимающе развернул тряпку, даже охнул от великолепия кинжала:

— Да ты что, Серега! Это же дорогущая вещь!

— Плюнь. Прими в подарок, и все. Понимаешь, мне его все равно девать некуда. Где я его спрячу? В штанах, что ли? — улыбнулся я новому другу. — А у тебя на железяке вон сколько тайников есть.

— Так это, Серый... Мне и отдариться нечем, — развел руками сержант.

— А и не надо, — махнул я рукой. — Вот монетку или денюжку какую дай взамен. Примета такая!

Игорь заковырялся в карманах, но, конечно, ничего не нашел. Откуда тут мелочь. Извлек из внутреннего кармана пачку бумаг, завернутых в целлофан и перетянутых резинкой, раскрыл пакет, откуда-то изнутри вынул тонюсенькую стопку чеков. Я углядел среди них чек стоимостью в три копейки:

— Вот, эту бумажку давай. В самый раз будет!

Джон неуверенно смотрел серыми глазами, не шучу ли я.

— Все пучком, братуха! И — торчком! — хлопнул я по плечу сержанта, разрядив неловкую паузу.

Окончание следует...

ГЛАВНОЕ
ЗА
НАШУ
РЕЗИНУ
ОТ АВИАТОРОВ
ПЬИДЬИ
ЗМА
ОТ
СТАЛЧЕРА
В БЕРИЧЕ
ГЛАВНОЕ
ИТОГОВЫЕ
РАБОТЫ
ВОИЗМЕНИ
СВЕТЛИЧЕНКО
ИВАН
МАРИУПОЛЬ
ЗА ПОБЕДУ!

IRINA
10/24
2025

Художник Ирина Илюшкина